

ПЕРЕВОДЫ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 394–405

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 394–405

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-394-405>, EDN: HMJOYA

Научная статья

УДК 81'22+14

Является ли язык знаковой системой? (Ленин, Соссюр и теория иероглифов)

Патрик Серио

Лозаннский университет, CH-1015 Лозанна, Швейцария

Патрик Серио, Ph.D., почетный профессор, Лозаннский университет, patrick.seriot@unil.ch,

<https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>

Аннотация. Данная статья преследует одновременно две цели: отвечает на вопрос: каким образом можно глубже узнать интеллектуальную жизнь Советского Союза 1930–1950-х гг.? И на вопрос: что яростная антисоссюрианская критика в России того времени может сказать нам о специфике марксистско-ленинской теории знака?

Мы предложим здесь явно узкий подход: повторяющаяся тема этой критики, а именно то, что «Курс» Соссюра представляет «теорию иероглифов» (или символов) – некую разновидность буржуазно-идеалистической теории, на которую Ленин нападал в своей книге 1909 г. «Материализм и Эмпириокритицизм» о Э. Махе и которую некоторое время поддерживал Плеханов.

Но размышления об иероглифах основаны на гораздо более старых спорах о расшифровке египетской письменности, восходящих к XVII веку. Проблема, которая здесь возникает, носит семиотический характер: речь идет о скалярной оппозиции между прозрачностью и непрозрачностью знака. Знак скрывает или раскрывает?

Советский дискурс о языке и знаках 1930–1950-х гг., по-видимому, полностью основан на исследовании отношений знак/референт, язык/мысль, форма/содержание.

Часть истории семиотики, таким образом, можно обнаружить в критике «теории иероглифов», малоизвестного эпизода в споре об интерпретации соссюрианства.

Ключевые слова: эпистемология, иероглифы, Кант, Ленин, советское языкознание, марксизм, онтология, Соссюр, теория познания

Оригинал: *Sériot Patrick*. Is language a system of signs? (Lenin, Saussure and the theory of hieroglyphics). *Sign Systems Studies* 50(1), 2022, 143–162.

Для цитирования: *Серио П.* Является ли язык знаковой системой? (Ленин, Соссюр и теория иероглифов) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 394–405. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-394-405>, EDN: HMJOYA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Is language a system of signs? (Lenin, Saussure and the theory of hieroglyphics)

Patrick Sériot

University of Lausanne, CH-1015 Lausanne, Switzerland

Patrick Sériot, patrick.seriot@unil.ch, <https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>

Abstract. This paper strives to pursue two goals at the same time:

- how can one get to know in depth the intellectual life of the Soviet Union in the 1930s–50s?
- what can the virulent anti-Saussurean criticism in Russia at that time tell us about the specificity of the Marxist-Leninist theory of sign?

© Серио Патрик, 2023

© Дубровская О. Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Саратовский государственный университет, 2023

We will propose here an apparently narrow angle of attack: the recurring theme of this criticism, namely that Saussure's Cours presents a "theory of hieroglyphics" (or symbols), therefore a type of bourgeois idealist theory that Lenin assailed in his 1909 book *Materialism and Empiriocriticism* about E. Mach, and which was upheld for a time by Plekhanov.

But thinking about hieroglyphics is based on much older controversies, dating back to the 17th century about the deciphering of Egyptian writing. The issue which arises here is semiotic in nature: it is the scalar opposition between transparency and opacity of the sign that is at stake. Does the sign hide or reveal?

The Soviet discourse on language and signs in the 1930s–50s seems entirely to be based on an interrogation of the sign/referent, language/thought, form/content relationship.

A part of the history of semiotics can thus be discovered from the critique of the "hieroglyphic theory", a little-known episode in a debate on the interpretation of Saussurism.

Keywords: epistemology, hieroglyphics, Kant, Lenin, Soviet linguistics, Marxism, ontology, Saussure, theory of knowledge

For citation: Patrick Sériot. Is language a system of signs? (Lenin, Saussure and the theory of hieroglyphics) *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 394–405 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-394-405>, EDN: HMJOYA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В так называемом «западном» мире представление о том, что язык есть знаковая система, преподносится как нечто основополагающее. Все университетские учебники и программы, какой бы ни была их направленность, основаны на этом исходном пункте. Ф. де Соссюр, включивший лингвистику в «семиологию», является, таким образом, основоположником этого почти единодушного подхода.

Однако было время и место, где это предположение – или эта очевидность – подвергалось агрессивным нападкам: Советский Союз 1930–1950-х гг.¹ Советское языкознание тех лет выдвигает серьезное возражение против тезиса о том, что язык есть знаковая система, против буржуазно-идеалистического тезиса, называемого «теорией иероглифов».

Соссюр здесь был представлен как пропагандист «теории иероглифов в языкознании», крайне малоизвестной темы в лингвистической литературе на «Западе». Возражение против теории Соссюра поднимает, на мой взгляд, эпистемологическую проблему первостепенной важности, которая нуждается в обсуждении.

Что означает теория иероглифов в языкознании? Сначала следует проследить терминологический и концептуальный этапы дискуссии об интерпретации египетских иероглифов, затем исследовать идеологический и философский контекст метафорического употребления термина в советском марксизме и, наконец, рассмотреть аргументы советской критики теории знаков через это понятие иероглифа. Таким образом мы надеемся продви-

нуться в знании как Соссюра, так и советского интеллектуального контекста, который сделал такое прочтение возможным. Именно этот контекст заслуживает самого пристального внимания из-за столкновения между семиотикой и теорией познания. Таким образом, в критике «теории иероглифов» раскрывается важная часть истории семиотики, степень значимости которой в СССР контрастирует с ее полным игнорированием на Западе.

Беспрецедентная ассоциация Соссюра с иероглифами свидетельствует о характере советской культурно-интеллектуальной, а также политико-идеологической среды 1930–1950-х гг. Более общая тема рефлексии о языке и знаке в России вызывает, в свою очередь, сравнение в пространстве и времени: является ли интеллектуальная жизнь в России частью так называемой «западной традиции»? Если да, то почему этот вопрос так часто исключается из этой традиции? Если нет, то в чем его специфика? И, с другой стороны, существует так много параллелей с другой эпохой, когда задавались вопросом о природе и происхождении языка, а именно с XVII и XVIII вв. в Европе, что сравнение представляется уместным.

Мы коснемся лишь малой части этих многочисленных вопросов, а именно трактовки соссюровской лингвистики как «теории иероглифов» в СССР вплоть до постепенного угасания сталинской эпохи в середине 1950-х гг.

1. Знак вещи, знак идеи или знак слова?

На карту здесь поставлено не определение того, что такое иероглиф (многочисленные

¹До «Великого перелома» 1929 г. дискуссии о языке и знаках были более разнообразными, более открытыми, менее связанными с идеологическими вопросами.

учебники прекрасно отвечают на этот вопрос, см., например, [1]), а воссоздание аргументативного использования этого вопроса на протяжении всей истории споров о знаке в европейской культуре, в ее непрекращающихся метафорических сдвигах. При крайней многозначности слова «иероглиф» множество интерпретаций вращается вокруг прозрачности или непрозрачности знака.

Направления размышлений о египетских иероглифах после того, как ключ к их прочтению был утерян примерно в IV в. нашей эры, можно сгруппировать в несколько тем. Иероглиф означает:

- 1) то, что трудно понять, но когда-нибудь можно надеяться расшифровать;
- 2) то, что имеет скрытый смысл только для посвященных, хотя поэтому и поддается расшифровке;
- 3) то, что не имеет смысла (бесполезно тратить время на то, чтобы это понять);
- 4) то, что заведомо обманывает;
- 5) то, что в своей кажущейся крайней неясности открывает доступ к высшему смыслу, невыразимому на человеческом языке.

В основном знак либо *скрывает*, либо *раскрывает*.

1.1. Мир тишины

Каковы бы ни были нюансы этих обширных теоретических размышлений, до открытия Шампольона (1824 г.) [2] общее мнение таково, что иероглифы выражают не слова естественного языка, но *вещи* или *идеи*. В классическом треугольнике слово/понятие/вещь первый из этих терминов удален. Таким образом, иероглифическое письмо рассматривается как пазиграфия, универсальная система обозначений, абсолютно не связанная с конкретным языком. Эту пазиграфию можно свести к понятию пиктограммы (представление конкретной вещи упрощенным схематическим рисунком) или идеограммы (символа, представляющего абстрактную идею).

Спор в платоновском диалоге Кратил о φύσις (природа) и θέσις (условность), ранее считавшийся законченным Аристотелем в пользу произвольности знака, смещается и растворяется в идеографии, за пределами устных языков. Можно назвать несколько причин сдвига в этом вопросе примерно в XVI в.

С открытием внеевропейских культур, утратой гегемонии латыни как универсального языка общения, подъемом национализма, влиянием «языкового вопроса» Данте и протестантской Реформации на размышления о языке вообще и о национальных языках противоречиво вызывают как эйфорию, так и недоверие к словам, на которые возлагается ответственность за недостатки философии

и теологии. Некоторые цепляются за идею, что истина может быть выражена только с помощью эмблем, девизов, символов и печатей [3–8].

Неоплатонический ренессанс XV в., выражающийся, например, в творчестве Марсилио Фичино (1433–1499) очарован герметичным видением тайного письма в Египте фараонов, способного выразить непостижимую природу божественного мира. Неясность иероглифики привлекала тех, кто считал недискурсивное мышление выше человеческого языка, как мысль бессловесную, составленную из безмолвных образов, передачу реальности, превосходящей то, что непосредственно доступно чувствам. Этот идеал языка без слов был живучим мифом в рассуждениях о языке до сегодняшнего дня и даже в марксистской лингвистике в СССР, см. ниже и [9].

Увлечение иероглифами и неправильное их толкование в XVI–XVIII вв. можно понять только в контексте центральной проблемы того времени: кризиса толкования божественного Слова или утраты уверенности в силе слов представлять вещи. Тогда на помощь этой тревоге приходит идеал прямого видения: рисунок идет более коротким путем, чем фонографическое письмо, но в то же время он более открыт для интерпретации, потому что всё может представлять нечто другое (*aliqui stat pro aliquo*): *всё есть знак*.

Таким образом, развивается аллегорическая семиотическая концепция: в XVI в. мир, созданный Богом, представлен как набор знаков, подлежащих интерпретации: денотаты (= вещи) сами являются знаками. Всё есть знак, ожидающий расшифровки, это учение о *Божьих подписях*. Но это недоверие к словам сочетается с непоколебимой уверенностью в возможности достижения высшей истины, недостижимой словами человеческих языков. Здесь язык образов – не непосредственное представление вещей, а набор символов невыразимого. И именно потому, что неясность открывает путь множественным интерпретациям, она открывает доступ к миру, недоступному для слов языка: *знак говорит больше, чем сама вещь* (денотат).

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) отождествлял иероглифы с жестами: подобно им, знаки прямо обозначают вещи, потому что имеют с ними *сходство*. Каким-то образом они их заменяют [10]. Это идеал мотивированного языка, не имеющего абстрактного характера системы условных знаков.

Итак, возникает двойственный, противоречивый и парадоксальный подход к иероглифу. Это система прозрачных знаков, которые прямо обозначают денотат, но в то же время именно их непрозрачность позволяет нам

узреть высшую реальность, недоступную словам в человеческих языках.

Чисто иконическая, пиктографическая интерпретация иероглифов (знак, строго обозначающий объект, которому он соответствует) представляется крайне маргинальной в эпоху Возрождения. На самом деле существует парадоксальное равенство, на первый взгляд оксюморон, между иконичностью и сакральным. Для А. Кирхера (1602–1680) иероглиф приобретает всю свою аллегорическую и метафорическую силу из-за его роли в раскрытии оккультных знаний: рисуя скарабея, писцы видели не насекомое, а Солнце, и не материальное солнце, освещающее разумный мир, но Солнце, архетип умопостигаемого мира [11]; см. [5]. От мотивационного отношения между рисунком и вещью мы переходим к аллегорическому интерпретационному отношению между знаком и идеей.

Но это же недоверие к словам может, наоборот, прозрачно интерпретировать иероглифы, оставаясь при этом идеографическим. Так, в статье «Иероглифы» *Энциклопедии Дидро* и Даламбера (опубликованной между 1751 и 1780 гг.) предлагается непосредственный и однозначный перевод ряда иероглифов на естественный язык (французский):

«... La Fameuse inscription du Temple de Minerve à Saïs, dont il est tant parlé dans l'antiquité. Un enfant, un vieillard, un faucon, un poisson, un cheval marin, servoient à exprimer cette sentence morale : «Vous tous qui entrez dans le monde & qui en sortez, sachez que les dieux haïssent l'impudence». Ce hiéroglyphe étoit dans le vestibule d'un temple public; tout le monde le lisoit, & l'entendoit à merveille».

[«...Известная надпись в храме Минервы в Саисе, о которой так много говорится в Античности. Ребенок, старик, ястреб, рыба, морской конек служили для выражения этого нравственного изречения: «Все вы, входящие и покидающие этот мир, знайте, что боги ненавидят дерзость». Этот иероглиф находился в вестибюле общественного храма; все читали его и прекрасно понимали.»] [12].

1.2 «Несовершенные, потому что их много...»²

Недоверие к словам человеческих языков, параллельно со страданиями вавилонского наказания (*confusio linguarum*), имеет непосредственное последствие: представление о том, что запись идей, или невербальная коммуникация, может искупить наказание. Это проект *универсального языка идей*, идеографии, независимой от неизбежного несовершенства множественных языков.

Недоверие к словам распространялось на недоверие ко всем существующим гра-

фическим обозначениям, включая алфавиты. Джон Уилкинс (John Wilkins) в своем *Essay Toward a Real Character* (1668 г.) пытается бороться с «обманом слов» в их условном отношении к вещам. Его проект состоит в реконструкции языка *ex nihilo* из системы неалфавитных знаков: «Реальный универсальный Знак, который должен означать не слова, а вещи и понятия, и, следовательно, может быть понятен любой нацией на ее собственном языке, что является основным замыслом этого “Трактата” (цит. по [14: 536])».

Таким образом, в XVIII в. разгорелись споры о том, следует ли доверять словам естественных языков, чтобы познавать вещи. Величайшее сатирическое опровержение можно найти у Джонатана Свифта (Jonathan Swift 1667–1745) [15]. Гулливер посещает Академию Лагадо и знакомится с учеными-философами, которые нашли самый быстрый способ избавиться от барьера слов: *говорить вещами, не используя слов*.

«[...] Схема полного уничтожения всех Слов вообще; [...] Поэтому было предложено средство, заключающееся в том, что, поскольку слова – это только имена для вещей, всем людям было бы удобнее носить с собой такие вещи, которые были необходимы для выражения конкретного дела, о котором они должны говорить. [...] Еще одно большое преимущество, предлагаемое этим изобретением, заключалось в том, что оно могло служить универсальным языком, понятным всем цивилизованным народам, чьи товары и утварь обычно одного и того же вида или почти похожи, так что их использование может быть легко понято» [15: Часть III, глава 5].

Когда Шампольон опубликовал свой ключ к расшифровке иероглифов (*Précis du système hiéroglyphique*, 1824) [2], целая вселенная мифических интеллектуальных построений рухнула с отказом от идеографической интерпретации: египетские иероглифы – это *лексиграфия* или *логография*, знаки не вещей или идей, а слов, отмеченных с помощью довольно неудобной системы ребуса, основанной на согласных или группах согласных, и детерминативах, указывающих, к какой семантической категории принадлежит слово в гомофоническом ряду. Египетские иероглифы не обозначают денотат (рисунок солнца вместо солнца), а относятся к означаемому (знак «солнце», точка в середине круга, является первым слогом любого слова, начинающегося со слога *râ* или *rê*).

Точно так же в 1838 г. Дю Понсо (Du Ronceau) опровергнул идею о том, что китайские иероглифы станут универсальным философским языком: «идеографическая си-

²«imparfaites en cela que plusieurs» [13, § 242].

стема письма – плод воображения, и ее существование невозможно» ([16, р. xxiv]; цит. по [17: 16]).

Остается вспомнить еще одно метафорическое значение термина «иероглиф», все еще маргинальное, а именно его абсолютную непрозрачность: непонятное письмо, каракули или «как курица лапой». Здесь иероглиф уже не знак чего-то, а чистое препятствие, тупик, непрозрачности больше нечего раскрывать.

«Cette [...] lettre a un défaut que j'ai eu bien de la peine à corriger; c'est une écriture difficile à déchiffrer [...] ce n'est plus de l'écriture [...] ce sont des hiéroglyphes»

(«В этом письме есть изъян, который мне было трудно исправить; это почерк, который трудно расшифровать. [...] Это уже не письмо [...] – это иероглифы» (Де Севинье, 12 июня 1689 г., цитируется в [18]).

Тем не менее, именно это маргинальное использование будет отныне поддерживать обновление иероглифической метафоры.

2. Знак или зеркало?

Покинув мир чудесного и войдя в мир разочарования, иероглифическая метафора окажется во второй половине XIX в. втянутой в вихрь другого спора, который включает теорию познания в теорию революционного действия.

2.1. Иероглиф и фетишизм

Основным текстом для нового употребления слова «иероглиф» является книга I «Капитала» К. Маркса (1867 г.), в которой речь идет о фетишизме товара, разоблачается его иллюзия и предлагается раскрыть его тайну: на капиталистическом рынке общественный обмен различными работами *прикрывается* покупкой товаров посредством денег.

«Таким образом, у стоимости не написано на лбу, что она такое. Более того: стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение предметов потребления как стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык»³ [20: п.р.]; перевод цитаты – из «Капитала» на рус. яз. Том 1. Раздел 4. Товарный фетишизм и его тайна. Отдел первый. Товар и деньги. С. 84.

³«Es steht daher dem Werte nicht auf der Stirn geschrieben, was er ist. Der Wert verwandelt vielmehr jedes Arbeitsprodukt in eine *gesellschaftliche Hieroglyphe*. Später suchen die Menschen den Sinn der *Hieroglyphe* zu entziffern, hinter das Geheimnis ihres eignen gesellschaftlichen Produkts zu kommen, denn die Bestimmung der Gebrauchsgegenstände als Werte ist ihr gesellschaftliches Produkt so gut wie die Sprache» [курсив наш. – П. С.] [19, без пагинации].

⁴«Если бы мы были слепы, не было бы астрономии» (знание) не эквивалентно «если бы мы были слепы, не было бы космического пространства» (существование).

В этом основополагающем тексте товар есть абстракция, непрозрачный знак, простая форма без содержания: потребительная стоимость сводится к меновой стоимости. Но важно здесь то, что термин «иероглиф» употребляется в значении «не что иное, как чистый знак», лишенный реальности, чистый тупик, препятствие, преграждающее доступ к реальности: знак овеществлен, он занимает место реальности. Выход превратился в препятствие.

2.2. Иероглиф: препятствие или единственный доступ к знаниям?

В смятении, вызванном провалом революции 1905 г. в России, среди марксистов, некоторые из которых ставят под сомнение противопоставление материализма и идеализма, появляются различные «ревизионистские» течения. В 1909 г. Ленин, под псевдонимом В. Ильин, пишет «Материализм и эмпириокритицизм» (далее *МуЭ*) – работу по теории познания, призванную опровергнуть доводы ревизионистов (Богданова, Базарова и др.), основанные на теориях Э. Маха [21].

Его кажущимся противником является эмпириокритическая теория австрийского физика Эрнста Маха (1838–1916), своего рода радикальный эмпиризм, согласно которому всякое знание, в том числе и научное, может исходить только из чувственных данных опыта, т. е. ощущений [*Empfindung*] [22]. Термин «ощущение», вероятно, не следует понимать в узком, физиологическом смысле, но главное здесь то, что эта теория познания основана на принципе «нет объекта без субъекта». Иными словами, нет смысла представлять себе, какой может быть реальность «сама по себе», вне процесса познания субъектом. Эмпириокритицизм есть конвенционалистская интерпретация науки: субъектно-объектный монизм упраздняет оппозицию между физическим и психическим. Представляется, что Мах говорит не об онтологическом отсутствии предметов в мире, а о возможности их познания лишь через посредство наших ощущений – идея, которая ляжет впоследствии в основу неопозитивизма⁴.

Мах, физик и философ, предвосхищает конструктивистскую эпистемологию: его подход к познанию основан на идее, что наш образ действительности или понятия, структурирующие этот образ, являются продуктом

взаимодействия человеческого разума с этой реальностью, а не точным *отражением* самой реальности. Это феноменистская теория, согласно которой познание явлений является результатом конструкции, осуществляемой субъектом, а «вещь в себе» навсегда останется непознаваемой. Знание, следовательно, больше не может рассматриваться как поиск иконического, подражательного, зеркального представления онтологической реальности, уже существовавшей как таковой.

Ленин обвиняет русских сторонников Маха, в особенности Плеханова⁵, в том, что они пропагандируют, выдавая себя за марксистов, теорию, согласно которой «ощущения и представления человека не являются ни копиями действительных вещей и процессов природы, ни изображениями, а условными знаками, символами, иероглифами... Энгельс не говорит ни о символах, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отображениях вещей....» [24, ч. IV, глава 6, без пагинации].

Эта теория отражения напоминает средневековые схоластические дискуссии о возможности *говорить о несуществующем*, или химерах, вроде единорога. В 1933 г. в первом издании Большой советской энциклопедии говорится:

«Критикуя И. т., Ленин указывает, что она вносит нек-рое недоверие к чувственности, к познанию, отрывает познание от объективн. мира, подвергает вместе с тем сомнению существование внешних предметов, потому что символы, или иероглифы, вполне возможны по отношению к мнимым предметам. Ленин называет И. т. «иероглифическим или символическим материализмом или полуматериализмом», указывает, что она в действительности подрывает исходные посылы материализма (поскольку от иероглифа не требуется никакого сходства с тем, знаком чего он является, благодаря чему существование внешних предметов ставится под сомнение), является уступкой кантианству и потому отвергается материалистической диалектикой» [25, т. 27, с. 502–504, статья «Иероглифов теория»].

Мы видим, что здесь устанавливается то самое противопоставление между знаком-иероглифом и отражением-копией, которое будет лежать в основе рецепции Соссюра в СССР в 1930–1950-е гг. Этот семиотический спор базируется на антикантианстве: утверждение о невозможности познания вещи в себе уподобляется Лениным агностицизму

и субъективизму, симптомам отказа реакционной буржуазной идеологии от преобразования мира. Для него агностицизм есть не только признание бессилия познать объективный мир, но и *идеалистическое* утверждение, что мир как таковой не существует вне познающего субъекта. Заметим, что, напротив, в «западной» культуре агностицизм обычно означает атеизм (который отрицает существование Бога) и, следовательно, *материализм*.

В ленинском уравнении «иероглиф = символ = знак»⁶ знак всегда сопровождается прилагательным «*условный*». Это то, что «ставится вместо чего-то», следовательно, препятствие для познания вещи, которая сама по себе считается синонимом «объективной реальности». С *Марксизмом и эмпириокритицизмом* мы переходим от аналогии к гомологии.

3. Реальный объект или объект познания?

«В мае 1949 г. весь советский народ отмечал сорокалетие со дня выхода в свет гениальной книги В. И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”. Книга эта, являющаяся классическим образцом партийности в философии, сыграла исключительную роль в идейном разгроме противников марксизма, в защите и обосновании теоретических основ большевистской партии. Работа Ленина сохраняет всю свою глубокую актуальность и в наши дни. Имея прежде всего огромное философское значение, исследование В. И. Ленина освещает путь и целому ряду отдельных наук: физике, естествознанию, истории, литературоведению, языкознанию и многим другим специальным научным дисциплинам. В нашей борьбе с формализмом и буржуазным космополитизмом в области языкознания мы должны все чаще и чаще обращаться к этому замечательному творению В. И. Ленина, как и к другим произведениям классиков марксизма-ленинизма, и с позиций этих работ не только критиковать наших противников, но и двигать дальше нашу языковедную науку» [26: 509].

Это исследование метафорического использования понятия иероглифа было необходимо, чтобы добраться до сути дела: отказа от соссюрковского определения языка как системы знаков в советской лингвистике 1930–1950-х гг.

Что происходит, когда ленинскую гносеологию применяют к языкознанию? Почему теория языка как знаковой системы «буржуазна, идеалистична, метафизична и реакционна»?

⁵В 1892 г. в Женеве вышло первое русское издание работы Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» в переводе, с предисловием и комментариями Г. Плеханова. Последний излагает свою материалистическую теорию познания: «Наши ощущения – это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности. Иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются. Но они могут совершенно верно передавать как самые события, так – и это главное – и те отношения, которые между ними существуют» [23: 492].

⁶Мах не использует слова *знак* и *иероглиф*, в его текстах используется *символ*.

Зачем обесценивать символическое семиотическое измерение? В лабиринте бесконечно повторяющихся догматических утверждений мы можем выделить ключевую идею: теория знаков, она же иероглифика, *разделяет* форму и содержание, иначе говоря знак и денотат. В уравнении *смысл = содержание = денотат = объективная реальность* знак находится по ту сторону барьера: он то, что подменяет, то, что узурпирует. Наконец, теория знаков называется идеалистической, поскольку она позволяет сомневаться в существовании материальных объектов и говорить о том, что не существует.

3.1 Если язык не система знаков, то что же это?

Среди русских языковедов рубежа XIX–XX вв., от А. Потебни (1835–1891) до Ф. Fortunatova (1848–1914), было распространено представление о том, что язык есть система знаков. Советское языкознание 1930–1950-х гг. перевернёт, с позиций материализма, это общее представление.

Всякая общественная надстройка вырастает на материально-производственной базе. Над реальными производственными отношениями вместе с сознанием вырастает и язык. Как общественная идеология, он отражает общественное сознание и бытие. Н. Я. Марр подчеркивает противопоставляемую им индоевропейской лингвистике точку зрения отражения в языке общественного сознания и бытия. В языке мы имеем отражение, а не систему знаков. Учение западноевропейских лингвистов о языке, как системе знаков, некритически воспринимаемое нашими советскими языковедами, имеет свои корни в общеизвестной теории символов-иероглифов, которой придерживались махисты и которая блестяще была опровергнута В. И. Лениным в его работе «Материализм и эмпириокритицизм»⁷ [27: 171].

В советском языкознании 1930–1950-х гг. слово больше не является знаком – оно становится зеркалом, отражением, претендует на роль новшества, причем не только марксистского, но и антизападного. Теория двух наук приобретает новый аспект: оппозиция буржуазная наука vs пролетарская наука (Ленин или Богданов) сменилась оппозицией западная наука vs советская наука в результате отказа от всего, что составляло основу европейской культуры со времен Аристотеля:

«Подавляющее большинство буржуазных философов, психологов и лингвистов рассматривают слово в целом как знак, символ, иероглиф, а язык – как систему знаков или символов. [...] Это воззрение идет еще от Аристотеля, который считал, что “слова,

выраженные звуками, суть символы представлений в душе...”»⁸ [28: 401].

Теория отражения – явная альтернатива теории иероглифических знаков:

«[у Соссюра] язык предстает перед нами как система изменяющихся во времени произвольных знаков, никакой реальной действительности не отражающая» [29: 3].

«В области языкознания агностицизм находит свое выражение, главным образом, в знаковой теории языка. [...] Марксистско-ленинская теория отражения является единственной научной основой для правильного понимания всех идеологических явлений, их роли в общественной жизни, в познании действительности. Это в полной мере относится и к языку, который, по классическому определению Маркса, есть не что иное, как практическое, действительное сознание» [28: 401].

«Можно ли назвать слово знаком какого-нибудь предмета или явления? Нет, нельзя, ибо коль скоро внутренним содержанием слова является понятие, а понятие является обобщенным отражением некоторого многообразия действительных предметов или явлений в человеческом сознании, слово выступает не как знак, а как облеченное в звуковую форму *отражение действительности*» [Там же: 402].

Теория отражения применительно к языкознанию основывается на принципе аналогической связи между знаком и денотатом: если знак произволен, познание невозможно. Поэтому он должен быть мотивирован, но эта мотивация не соответствует положению Кратила: знак должен недвусмысленно, прозрачно отсылать к денотату, который уже существует как таковой. Треугольник слово/вещь/понятие сводится к двум последним элементам: означающее устраняется в своей автономии.

Вместо того чтобы искать формальную мотивировку знака этимологией (столько тщетных усилий было затрачено в этом направлении очень многими – от Кратила до Ж.-П. Бриссе, включая Кур де Жебелена), присутствие знака резко отбрасывается в пользу идеи отражения, ассимилированного с содержанием, эквивалентного денотату, который становится ономаσιολογική частью языка, единственной значимой частью. Знак исчезает, он уже не опасен, будучи отнесенным к надстройке, им можно управлять. Однако он будет постоянно появляться в дискуссиях о значении слов.

«Раз ощущения объявляются лишь условными знаками, символами, за которыми отрицается всякая аналогия с вещами, то ясно, что заранее исключается возможность правильного познания мира. Между вещами и ощущениями, их вызванными, устанавли-

⁷ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм // Сочинения. Т. XIII. 3-е изд. М. : ГИЗ, 1928. С. 190–195.

⁸ Аристотель. Об истолковании. Цит. по сб. «Античные теории языка и стиля» М. ; Л., 1936. С. 60.

вается непереодолимый разрыв. Ведь под знаком или символом может «врываться что угодно. Ощущение, по существу, превращается в некий *x*, под который можно подставить любую величину, любой предмет, ибо отвергается аналогия с вызвавшим это ощущение предметом. Ощущение превращается через это в нечто самостоятельное, от предмета не зависящее. Отсюда непосредственный скак к кантианству, с его отрывом явлений от вещей в себе» [30: 25–26]⁹.

Теория отражения отвечает на проблему недоверия к знаку, обвиняемому в том, что он занимает место денотата или препятствует доступу к нему.

«[...] слово, коль скоро его значением, содержанием является понятие, должно рассматриваться как *отражение* предметной действительности. Идеалистическая философия и языкознание извращают этот вопрос. Например, для Соссюра существует только проблема отношения понятия и акустического образа. Он совершенно игнорирует проблему отношения слова к предметному миру. “Языковый знак, – пишет он, – связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ”¹⁰. Исходя из этого идеалистического взгляда, он и характеризует язык как произвольную систему знаков. Тем самым он, в духе чистейшего агностицизма, совершенно отказывается от рассмотрения вопроса об отношении языка к действительности» [28: 417].

Этому «идеалистическому» видению Л. О. Резников противопоставляет свой «материалистический» подход, узко референциальный, вплоть до констатации постепенного исчезновения заслона самих слов:

«[...] *историческое развитие языка*, в процессе которого “собственное” чувственное содержание языковых знаков все более и более оттеснялось в сознании на второй план, стушевывалось и, наконец, почти совсем перестало сознаться. Оно не исчезло, но оно как бы отстранилось и перестало заслонять от умственного взора *интеллектуальные значения языковых знаков*» [Там же: 415–416].

«Слово обладает образно-знаковым характером, оно является обозначенным обобщенным отражением предметов и явлений. Так как бытие словесного знака целиком сводится и полностью исчерпывается его обозначающей функцией, т. е. выявлением значения, и помимо этого он никакой роли не играет, то его чувственный облик совершенно стушевывается и исчезает перед умственным взором понимающего язык человека. С этой точки зрения звуковая форма слова является даже не столько знаком, сколько “прозрачной” чувственной оболочкой значения, специфически человеческой формой отражения действительности» [Там же: 418].

Таким образом, здесь история знака представляет собой прогрессивное забвение материальной формы слова, сохранение только

интеллектуального содержания, способ извлечения от громоздкости знака, то есть от автономии означающего. Здесь треугольник слово-понятие-вещь сводится уже не к паре знак-денотат, а к утопии исчезающего, прозрачного знака.

3.2 Язык или дискурс?

Ассоциация Соссюра с иероглифами – увеличительное зеркало неоднозначности отношения к знаку в СССР 1930–1950-х гг. Как и в Западной Европе XVI в., советская идеология столкнулась с необходимостью однозначного прочтения значения слов. Для этого нужно было ответить на фундаментальный вопрос: существует ли специфичный порядок языка? Но это должно было возложить на лингвистов невыполнимую миссию: поиск неиконического мимесиса.

Пока мы остаемся в области философии языка, идея постепенного стирания слов-знаков остается привлекательной, хотя и очень старой. Все усложняется, когда дело доходит до применения этой философии в практической работе над языком. Основополагающий текст, *МиЭ*, не отвечает на вопрос об отношениях между словами и вещами, не в этом его суть. Для Ленина разнообразие языков не имеет отношения к теории отражения. Вот почему усилия по созданию материалистической лингвистики запутаются в неразрывной паутине противоречий, распутать которую дискуссии 1950 г. не удастся. Действительно, бесконечные обличения теории знаков не дают возможности перейти от теории отражения к описанию родных языков. *МиЭ* не смог решить возникшую в 1920-е гг. проблему языкового строения мышления в условиях многообразия языков, на которых говорят на советской территории.

Не мог не возникнуть вопрос: если языки множественны и все они суть отражения, то существуют ли множественные реальности? Решение И. В. Сталина состоит в том, чтобы перевести «содержание» в язык. Возможно, к этим новым поискам прозрачного знака открывает доступ известная, но довольно загадочная формула, провозглашенная самим И. Сталиным на XVI съезде КПСС в 1930 г.:

«Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране...».

Если «формой» культуры является язык, а язык «владеет» содержанием, он становится огромным текстом, который не делает раз-

⁹«Г.»: автор этого полуанонимного текста до сих пор не установлен.

¹⁰Ф. де Соссюр, указ. соч., с. 77.

ницы между тем, что *потенциально* может быть сказано на данном языке, и тем, что *действительно* сказано. То, что представляет собой конкретный *дискурс*, при определенных условиях производства и интерпретации полностью уподобляется *языку*. Не случайно в СССР в то время появляются словари языковой частотности¹¹. С точки зрения Соссюра, каждое слово имело бы частотность, равную единице, но в этом случае авторы этих словарей обязательно начинают с ограниченного корпуса, даже если он очень большой, для подсчета наиболее часто встречающихся слов. Легко сделать вывод, что такие слова, как «родина» или «социализм», будут иметь более высокую частотность, чем «вера» или «душа». Но какое отношение сам язык имеет к этой частоте? В советском языкознании 1930–1950-х гг. дискурсивное измерение полностью отсутствует.

3.3. Онтологическое толкование эпистемологии

Ленинская теория отражения не является раз и навсегда установленной пассивной записью, простой фиксацией или воспроизводством действительности, она направлена по касательной: она поднимается от ощущения и восприятия к знанию со спиралевидной или зигзагообразной аппроксимацией, становится все более точной, адекватной, но никогда не достигает идеального и полного совпадения, какое было бы у карты с масштабом 1:1¹².

Этот оптимизм действительно привлекателен. Но он основан на беспокоящей лингвистике предпосылке, на реальном эпистемологическом препятствии, а именно на том, что познаваемый объект существует *как таковой* до акта познания. Таким образом, все объекты реальной действительности можно перечислить, исчислить, они ждут, чтобы их открыли, изучили и описали. Это онтологическая интерпретация эпистемологии. Объект реальной действительности всегда идентичен самому себе, просто мы узнаем все больше и больше его аспектов. В этом идеале тангенциальной

полноты знания, на передней линии антикантианства¹³, нет разницы между реальным, эмпирическим объектом и объектом, построенным в теории по известной гипотезе¹⁴. Вместо точки зрения, создающей объект, здесь объект создает точку зрения. Исходя из этого соссюрскую теорию можно лишь уподобить субъективному идеализму, что недопустимо, поскольку противоречит принципу примата материи над сознанием:

«Целостный подход к явлению означает признание того факта, что предмет науки не создается точкой зрения исследователя, а определяется реальным содержанием изучаемого явления, его спецификой» [38: 250].

На самом деле, Соссюр не агностик, потому что он никогда не считал, что реальность «не существует» (онтологическая позиция), он мыслит в другой плоскости, отделяя означаемое от денотата, который для теории несуществен. В этой философии языка нет места строгому противопоставлению идеализма и материализма.

Соссюр не использует понятие *модели*, однако он заложил основы конструкционистской эпистемологии. Здесь сталкиваются две интерпретации понятия «модель»:

- 1) онтологическая: копируемый оригинал;
- 2) эпистемологическая: гипотетическая конструкция, позволяющая познать то, что непосредственно не наблюдается.

В отличие от модели, которую имитирует художник или скульптор, в конструкционистской эпистемологии модель представляет собой гипотезу, построенную в ожидании столкновения с эмпирической реальностью. Если результаты не соответствуют ожиданиям, можно вернуться и модифицировать модель. Язык (*langue*) у Соссюра – это не описание действительно используемого языка (идиома) во всех его вариациях. Это конструируемый объект.

Так бывает, что конкурирующие и несовместимые модели сосуществуют, не имея возможности доказать ошибочность друг друга (т. е. «falsify» у Поппера). Так и с волновой или корпускулярной теорией света, или с чис-

¹¹Например: [31].

¹²Тем не менее, она не пользуется популярностью среди философов. Пример: «Материализм и эмпириокритицизм» характеризуется вульгарными материалистическими обобщениями, пространными обличительными речами и чрезмерно длинными цитатами оппонентов, сопровождаемыми краткими высокомерными насмешками. Если бы большевики не добились успеха в 1917 г., сомнительно, что книгу Ленина читали бы сегодня» [32: 249–250].

¹³Вот пример в неподражаемом стиле этого экстраординарного периода: «Через Гумбольдта Ломтев протаскивает кантианство в его самой реакционной части. Лозунг: “Назад, к Гумбольдту!”, которого придерживается Ломтев, равнозначен социал-фашистскому лозунгу “Назад, к Канту!” Под флагом марксистской фразеологии Ломтев протаскивает социал-фашистскую контрабанду, совершенно не считаясь с тем, что доклад он делает в стенах Коммунистической академии» [33: 40].

¹⁴О защите теории отражения у Ленина см. [34–36]. Любопытно, что Альтюссер, который в 1965 г. в книге *Lire le Capital* («Читать Капитал») провел четкое различие между реальным объектом и объектом познания [37: 32–33], в 1969 г. повторяет без комментариев ленинскую теорию отражения («Ленин и философия») и не упоминает вопрос об иероглифических знаках.

лом фоном в русском языке¹⁵. Фонема – это не нечто наблюдаемое, это *конструируемая* модель.

Дискуссия о фонеме в СССР после 1956 г. (XX съезд, начало десталинизации) (см. [40]) – это начало краха теории отражения и принятие конструкционистской эпистемологии познания, которая перестает быть «буржуазной теорией».

Звук предшествует работе фонетистов, он не нуждается в них, чтобы существовать. Это *реальный объект*. Фонема же существует только в работах фонологов. Это *объект познания* или сконструированный объект, то есть *модель*. Различие между этими двумя типами объектов было непонятно при строго онтологическом подходе к теории отражения¹⁶. Именно эта онтологическая интерпретация позволяет, например, рассматривать синхронию как короткую диахронию, длящуюся «несколько лет» [26] или интерпретировать сосюрговскую синхронию как стабильное, неподвижное состояние. Легко было тогда считать идеалистическим это нематериальное тождество объектов познания, порождающее страх потерять непосредственную связь с материальной реальностью, денотатом, иными словами с «жизнью»:

««Выветривание» всего материального из жизни, из языка, из мышления приводит к самым реакционным, мракобесным выводам» [Там же: 520].

Для Соссюра важно не то, что реальности не существует, а то, что она неформальна до тех пор, пока не выделена знаком в его дуальной, означающее-означаемое, форме.

Советское языкознание 1930–1950-х гг. разрывалось между кратилизмом без мимесиса и сопротивлением присутствию означающего.

Выводы

Историю философии знака в России-СССР еще предстоит написать. Вопреки заявлению о радикальном эпистемологическом разрыве с «буржуазным» миром, лежащему в основе аргументации советских гуманитарных и социальных наук 1930–1950-х гг., мы предлагали здесь перекрестную историю западной и советской науки о языке, основанную на идее долгого времени, а не их полного разрыва. Предлагаемый сравнительный анализ ставит под сомнение самопровозглашение особого пути.

Дискурс о языке и знаке в СССР 1930–1950-х гг., спор между зеркалом и медиумом, разрывается между лингвистикой и философией языка. Теория отражения не давала никакой практической основы для построения грамматик. Что же касается Соссюра, то у него не было шансов быть понятым в этой онтологической интерпретации эпистемологии.

Критика теории иероглифики, помимо ее философской проблематики, напоминает нам о следующем: наличие знаков между нами и вещами есть причина страдания, а навязчивое стремление к языку без слов, к карте с масштабом 1:1 представляется основой культуры, которая как на Востоке, так и на Западе Европы вечно рефразирует одни и те же темы греческой философии и христианства. Марксистско-материалистическое языкознание, пропагандируемое в СССР в 1930–1950-е гг., развивалось в тех же рамках, ему не удалось стереть память о своих истоках. Мы перешли от пары прозрачность-непрозрачность к паре форма-содержание. Но недоверие к знаку осталось прежним.

И всё же карта не есть территория, и мы не можем обойтись без знаков в познании действительности, а мир знаков – неотъемлемое условие человеческого существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Collier M., Manley B. How to Read Egyptian, A Step-by-step Guide to Teach Yourself. London : British Museum Press, 1998. 179 p.
2. Champollion J.-F. Précis du système hiéroglyphique. Paris : Imprimerie royale, 1824. 510 p.
3. Foucault M. The Order of Things. London : Tavistock, 1970. 387 p.
4. Dubois C.-G. Mythe et langage au XVIe siècle, Bordeaux : Ducrot, 1970. 387 p.
5. Eco U. The Search for the Perfect Language. London : Blackwell Publishing, 1995. 396 p.

6. Demonet M.-L. Les voix du signe. Nature et origine du langage à la Renaissance (1480–1580). Paris : Champion, 1992. 690 p.

7. Albright D. Untwisting the Serpent. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2000. 395 p.

8. Millet O. «Hiéroglyphes et allégories dans la première moitié du XVIe s.: de la reconfiguration humaniste de l'allégorisme» // Revue d'histoire littéraire de la France. 2012. № 2. P. 263–276.

9. Sériot P. If Vico had read Engels he would be called Nikolai Marr, Interventions (International Journal of Postcolonial Studies). 2020. <https://doi.org/10.1080/1369801X.2020.1784031> [Engl. transl. by Matthew Carson Allen]. URL: <https://royalib.com/>

¹⁵Противостояние между московской и ленинградской фонологическими школами в 1960-е и 1970-е гг. является последним отголоском сопротивления конструктивистской эпистемологии (см. [39]).

¹⁶Об онтологической интерпретации диалектического материализма см. [41: 25–26; 42: 110].

book/lenin_vladimir/materializm_i_empiriokrititsizm.html
<https://web.stanford.edu/davies/Symbsys100-Spring0708/Marx-Commodity-Fetishism.pdf>

10. Bacon F. Of the Proficiency and Advancement of Learning Divine and Human. London : Henrie Tomes, 1605.

11. Kircher A. Obeliscus Pamphilius. Rome : Louis Grignan, 1650.

12. Diderot D. D'Alembert Jean Le Rond. Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris : Chez Le Breton, imprimeur ordinaire du Roy, 1751. URL: https://books.google.ch/books/about/Encyclopédie_Ou_Dictionnaire_Raisonné.html?id=z1SfZIAop_QC&printsec=frontcover&source=kp_read_button&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

13. Mallarmé S. Crise de vers, in Divagations. Paris : Bibliothèque Charpentier, 1897.

14. Clauss S. John Wilkins' Essay Toward a Real Character: Its Place in the Seventeenth-Century Episteme // Journal of the History of Ideas. 1982. Vol. 43, № 4. P. 531–553.

15. Swift J. Gulliver's Travels. London : Benj. Motte, 1726.

16. Du Ponceau Peter S. A Dissertation on the Nature and Character of the Chinese System of Writing, in a letter to John Vaughn, Esq. Philadelphia : American Philosophical Society, 1838.

17. O'Neil T. M. 2016 : Ideography and Chinese Language Theory: A History. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 355 p.

18. Dictionnaire Robert: en 9 vol. Vol. 5. Paris : Robert, 1985.

19. Marx K. Das Kapital, Kritik der politischen Ökonomie. Hamburg : Otto Meisner, 1867.

20. Marx K. Capital: A Critical Analysis of Capitalist Production. London : Swan Sonnenschein, Lowrey, & Co., 1887 [Engl. translation of Marx 1867]

21. Kelly A. «Empiriocriticism: A Bolshevik Philosophy?» // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1981. Vol. 22, № 1. P. 89–118.

22. Mach E. Die Analyse der Empfindungen und das Verhältnis des Physischen zum Psychischen. Jena : Gustav Fischer, 1886. 265 p.

23. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М. : Гос. издательство политической литературы, 1956. 847 с.

24. Ленин В. И. (под псевдонимом Вл. Ильин). Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М. : Звено, 1909. 438 с.

25. БСЭ 1933 – Большая советская энциклопедия. Т. 27. М. : ОГИЗ, 1933.

26. Будагов Р. А. «Материализм и эмпириокритицизм» и советское языкознание // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1949. № 6. С. 509–521.

27. Сердюченко Г. П. Старое и новое в науке о языке // На подъеме. 1931. № 4. С. 156–175.

28. Резников Л. О. Против агностицизма в языкознании (Критика знаковой теории языка) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1948. № 5. С. 401–417.

29. Данилов Г. К. Языковеды Запада [Ф. Соссюр. Курс общей лингвистики. Перевод А. Сухотина под ред. и с примеч. П. Шор. Вводная статья Н. Введенского. Со-

цэкиз. М., 1934] // За коммунистическое просвещение. 26.09.1934. № 222. С. 3.

30. Г. Ленинская критика теории иероглифов // Революция и культура. 1930. № 21–22. С. 24–31.

31. Штейнфельдт Е. Частотный словарь современного русского литературного языка. М. : Прогресс, 1963. 316 с.

32. Josephson P. R. Physics and Politics in Revolutionary Russia. Berkeley : University of California Press, 1991. 330 p.

33. Филин Ф. П. Борьба за марксистско-ленинское языкознание и группа Языкофронт // Против буржуазной контрабанды в языкознании / под ред. С. Быковского. Ленинград : ГАИМК, 1932. С. 28–46.

34. Truchon L. Lénine épistémologue: Les thèses de Matérialisme et Empiriocriticisme et la constitution d'un matérialisme intégral. Paris : Delga, 2013. 216 p.

35. Lavallard M.-H. La philosophie marxiste. Paris : Éditions sociales, 1982. 183 p.

36. Althusser L. Lénine et la philosophie. Paris : Maspero, 1969. 60 p.

37. Althusser L. Lire le Capital. Paris : Presses universitaires de France, 1996 [1965].

38. Панфилов Е. Д. Против реакционной методологии современного структурализма // Ученые записки 1-го Ленинградского педагогического института иностранных языков. Новая серия. 1954. № 1. С. 246–258.

39. Comtet R. L'école phonologique de Lénine et l'école phonologique de Moscou // Histoire Épistémologie Langage. 1995. Vol. XVII, № 2. P. 183–210.

40. Velmezova E. Le triomphe du structuralisme et le triomphe du "Cours de linguistique générale" en URSS dans les années 1950–1960 // Bruno M. W., Chiricò D., Cimatti F., Cosenza G., De Marco A., Fadda E., Lo Feudo G., Mazzeo M., Stancati C. (a cura di). Linguistica e filosofia del linguaggio: Studi in onore di Daniele Gambarara. Milan : Mimesis, 2018. P. 525–533.

41. Zapata R. Luttés philosophiques en U.R.S.S., 1922–1931. Paris : Presses universitaires de France, 1983. 336 p.

42. Zapata R. La philosophie russe et soviétique. Paris : Presses universitaires de France, 1988. 127 p.

REFERENCES

1. Collier Mark, Manley Bill. *How to Read Egyptian, A Step-by-step Guide to Teach Yourself*. London, British Museum Press, 1998. 179 p.

2. Champollion Jean-François. *Précis du système hiéroglyphique*. Paris, Imprimerie royale, 1824. 510 p.

3. Foucault M. *The Order of Things*. London, Tavistock, 1970. 387 p.

4. Dubois C.-G. *Mythe et langage au XVIe siècle*. Bordeaux, Ducrot, 1970. 387 p.

5. Eco U. *The Search for the Perfect Language*. London, Blackwell Publishing, 1995. 396 p.

6. Demonet M.-L. *Les voix du signe. Nature et origine du langage à la Renaissance (1480–1580)*. Paris, Champion, 1992. 690 p.

7. Albright D. *Untwisting the Serpent*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 2000. 395 p.

8. Millet O. «Hiéroglyphes et allégories dans la première moitié du XVIe s.: de la reconfiguration humaniste de l'allégorisme». *Revue d'histoire littéraire de la France*, 2012, no. 2, pp. 263–276.

9. Sériot Patrick. If Vico had read Engels he would be called Nikolai Marr, Interventions. *International Jour-*

nal of Postcolonial Studies, 2020. <https://doi.org/10.1080/1369801X.2020.1784031> (Engl. transl. by Matthew Carson Allen). Available at: <https://web.stanford.edu/davies/Symbsys100-Spring0708/Marx-Commodity-Fetishism.pdf>

10. Bacon F. *Of the Proficiency and Advancement of Learning Divine and Human*. London, Henrie Tomes, 1605.

11. Kircher A. *Obeliscus Pamphilus*. Rome, Louis Grignan, 1650.

12. Diderot D. D'Alembert Jean Le Rond. *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Paris, Chez Le Breton, imprimeur ordinaire du Roy, 1751. Available at: https://books.google.ch/books/about/Encyclopédie_Ou_Dictionnaire_Raisonné.html?id=z1SfZIAop_QC&printsec=frontcover&source=kp_read_button&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

13. Mallarmé Stéphane. *Crise de vers, in Divagations*. Paris, Bibliothèque Charpentier, 1897.

14. Clauss S. John Wilkins' Essay Toward a Real Character: Its Place in the Seventeenth-Century Episteme. *Journal of the History of Ideas*, 1982, vol. 43, no. 4, pp. 531–553.

15. Swift J. *Gulliver's Travels*. London, Benj. Motte, 1726.

16. Du Ponceau Peter S. *A Dissertation on the Nature and Character of the Chinese System of Writing, in a letter to John Vaughn, Esq.* Philadelphia, American Philosophical Society, 1838.

17. O'Neil T. M. *Ideography and Chinese Language Theory: A History*. Berlin, Boston, Walter de Gruyter, 2016. 355 p.

18. *Dictionnaire Robert: en 9 vol., vol. 5*. Paris, Robert, 1985.

19. Marx K. *Das Kapital, Kritik der politischen Ökonomie*. Hamburg, Otto Meisner, 1867.

20. Marx K. *Capital: A Critical Analysis of Capitalist Production*. London, Swan Sonnenschein, Lowrey, & Co, 1887 [Engl. translation of Marx 1867].

21. Kelly A. «Empiriocriticism: A Bolshevik Philosophy?». *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1981, vol. 22, no. 1, pp. 89–118.

22. Mach E. *Die Analyse der Empfindungen und das Verhältnis des Physischen zum Psychischen*. Jena, Gustav Fischer, 1886. 265 p.

23. Plekhanov G. V. *Izbrannyye filosofskiyе proizvedeniya: v 5 t. T. 1* [Selected Philosophical Works: in 5 vols. Vol. 1]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956. 847 p. (in Russian).

24. Lenin V. I. (under the pseudonym Vl. Il'in) *Materializm i empiriokrititsizm. Kriticheskiye zametki ob odnoy reaktivnoy filosofii* [Materialism and empiriocriticism. Critical Notes on a Reactionary Philosophy]. Moscow, Zveno, 1909. 438 p. (in Russian). Available at: https://royallib.com/book/lenin_vladimir/materializm_i_empiriokrititsizm.html

25. BSE. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*, t. 27 [Great Soviet Encyclopedia. Vol. 27]. Moscow, OGIZ, 1933 (in Russian).

26. Budagov R. A. I. "Materialism and empiriocriticism" and Soviet linguistics. *Izvestiya Akademii nauk SSSR, Otdeleniye literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR, Department of Literature and Language], 1949, no. 6, pp. 509–521 (in Russian).

27. Serdyuchenko G. P. Old and new in the science of language. *Na pod'yeme* [On the rise], 1931, no. 4, pp. 156–175 (in Russian).

28. Reznikov L. O. Against agnosticism in linguistics (Criticism of the sign theory of language). *Izvestiya Akademii nauk SSSR, Otdeleniye literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR, Department of Literature and Language], 1948, no. 5, pp. 401–417 (in Russian).

29. Danilov G. K. Linguists of the West [F. Saussure. Course of general linguistics. Translation by A. Sukhotin, ed. and with note. R. Shore. Introductory article by N. Vvedensky. Sotsekgiz. Moscow, 1934]. *Za kommunisticheskoye prosveshcheniye* [For Communist Education], 26.09.1934, no. 222, pp. 3 (in Russian).

30. G. Lenin's criticism of the theory of hieroglyphs. *Revolyutsiya i kul'tura* [Revolution and Culture], 1930, no. 21–22, pp. 24–31 (in Russian).

31. Shteynfeldt E. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Frequency dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow, Progress, 1963, 316 p. (in Russian).

32. Josephson P. R. *Physics and Politics in Revolutionary Russia*. Berkeley, University of California Press, 1991. 330 p.

33. Filin F. P. The struggle for Marxist-Leninist linguistics and the Language Front group. In: *Proktiv burzhuznoy kontrabandy v yazykoznanii. Pod red. S. Bykovskiy* [Bykovskiy S., ed. Against bourgeois smuggling in linguistics]. Leningrad, GAIMK, 1932, pp. 28–46 (in Russian).

34. Truchon L. *Lénine épistémologue: Les thèses de Matérialisme et Empiriocriticisme et la constitution d'un matérialisme intégral*. Paris, Delga, 2013. 216 p.

35. Lavallard Marie-Hélène. *La philosophie marxiste*. Paris, Éditions sociales, 1982. 183 p.

36. Althusser L. *Lénine et la philosophie*. Paris, Maspero, 1969. 60 p.

37. Althusser L. *Lire le Capital*. Paris, Presses universitaires de France, 1996 [1965].

38. Panfilov E. D. Against the reactionary methodology of modern structuralism. *Uchenyye zapiski 1-go Leningradskogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov. Novaya seriya* [Scientific notes of the 1st Leningrad Pedagogical Institute of Foreign Languages. New series], 1954, no. 1, pp. 246–258 (in Russian).

39. Comtet R. L'école phonologique de Lénine et l'école phonologique de Moscou. *Histoire Épistémologie Langage*, 1995, vol. XVII, no. 2, pp. 183–210.

40. Velmezova E. Le triomphe du structuralisme et le triomphe du "Cours de linguistique générale" en URSS dans les années 1950–1960. In: Bruno M. W., Chiricò D., Cimatti F., Cosenza G., De Marco A., Fadda E., Lo Feudo G., Mazzeo M., Stancati C. (a cura di). *Linguistica e filosofia del linguaggio: Studi in onore di Daniele Gambarara*. Milan, Mimesis, 2018, pp. 525–533.

41. Zapata R. *Luttes philosophiques en U.R.S.S., 1922–1931*. Paris, Presses universitaires de France, 1983. 336 p.

42. Zapata R. *La philosophie russe et soviétique*. Paris, Presses universitaires de France, 1988. 127 p.